

Михаил БОРДУНОВСКИЙ

КОЛЬЦА САТУРНА

Сложно вообразить прозрачные города
запертых тюрем, еле живых пассажиров,
где пузырится угроза листвы и раскалены
животы игровых автоматов; тенистые пятна
прохожих; сложно вообразить вас
проходящих лентой увядших волос,
перочинным именем-междометием, сложно
вообразить: но складкой на месте удара,
минутным цветением горла... скорее
нельзя, чем невозможно, вокзал
застывший с открытым клювом; завтра
уйдут они бледным литъём, излучиной
барельефа, истина, Νέμεσις, располагается
между предметами, но ни в одном из них, так
написано, уйдёт красотой, небрежно
сминающей Форму, вялым словом...
Νέμεσις, Теплота, подруга,
остриженная, в чёрных ветвях,
что ест, когда голодна, спит, будучи изнурённой,
автопортрет на выдохе, полдень под головой,
тело дерева, пузырящееся, сказал бы я, листвою;
апрель, у тебя неправильный прикус,
война выкосила твои аттракционы,
и сирены, как электросварка, кипят по обочинам,
но ты, сказал бы я, дорог мне, сказал бы, залпом
глотаю ржавую воду, Νέμεσις, что значит Нежность,
лаковая подкова тянучки на языке и, признайся,
сказал бы я, в небе уже сквозило слёзное дно Бастиона,
жестяное исподнее, пневма крюков и веревок, Νέμεσις, –
сказал бы я, – но жду, не вспухнет ли
гроздь случайных приятелей у моей скамейки,
или, может, вскинув подбородок знакомая
девушка пронесёт горбинку своего носа,
или, может, рассечение, наконец, отдаление,
ударение, желание, петли Формы вокруг головы
как кольца Сатурна.

Михаил Бордуновский родился в Челябинске в 1998 году. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Главный редактор журнала поэзии «Флаги». Публиковался в журналах «Воздух», «Гвидеон» и др. Живёт в Москве. Предыдущая публикация в «Волге» – 2022, № 9-10.

Мнемозина называли её
Р. Д.

we are burning our fingers
Aurora

В.

Город: пустой бутон. Самолёты
текут по взлётной, с шипением выпрастывая
над комбинатами вялые занавески
майского дыма, ладони тюля –
мухи барахтаются в кружевах, обмирают
на каёмках палящих тарелок уличного
кафе, внутри соответствий. Здесь нас всё больше.
И эти перечни – будто номер мобильного
телефона, потерявший владельца,
но невольно оставшийся в памяти –
смущают ум белыми беспилотниками смысла.

Май, и всюду кровельщики, господы крови.

Взгляни на яблоню как на незнакомку –
прыснет прозрачными мотыльками,
зашевелится вся. Родина –
утопленник, тёплый день. Я прибыл
уцепиться за твои плечи, но матовых
недомогающих вороньих перьев твоих
нет в произвольных тенях, куда я вырастаю
каменным зубом, покуривая трофейную
папироску. Родина – белый
прожектор, идея разреженности. Крестница,
неучтённая корреспондентка, Родина,
рассыпана кровяными толчками в моей аорте,
слабой цепью стеклянных фабрик, арками
прежних мест, уходит, не уходя, к Дуге,
закусив посиневшие губы. Родина, знаешь.
Яблоня, где тебя нет. Сад как тело греха.
Яма, игла. Самосожжение. Кольца на фалангах твоих
как кольца Сатурна.

А.

...полиэтилен, накрывший пустые губы,
Теплота, смятая увяданьем сирень в земном и зелёном:

бестрепетные виденья; одно нулевое
движеньё зрачков – боль пройдёт
сквозь надпиленный позвоночник
и увяданье увидит себя своими глазами. Стружка.
Не взятая вовремя на проходе пешка секунды
утекает беглым белым огнём по вискам, дюнами сердца;
полиэтиленовый Ангел Паденья, брезгливого Полукруга,
тяжёл, словно обруч, сдавивший лоб; имена различны
и съеденной булавкой расстегивают мне горло. Разлука.
Июнь, ты безволен и прям, как стихотворение,
и пути дыхания скрыты проволокой Паденья:
«всего лишь июнь, отбрасываемый грехом и ошибкой»,
убийственных яблонь заёмный свет, шары цветенья
надулись в городе горла – плетью, бумажной пылью,
в центре мира, под пером смятого увяданья;
выйди понаблюдать перекрытые улицы, граждан,
способных вынести всё, даже это стечение долгих пауз,
дребезжанье ветвей, плоский ь, ожидающий в глотке,
траектории Сил, заедающих по ту сторону
железных путей, где сирены цветут, а пакеты
рассеяны чёрными тушами, как кровавые сгустки; вынести всё,
даже это визгливое эхо Сил, секущее восковую кожу
воздуха, уходящее прочь и по кругу,
по кольцам Сатурна.

С.

На побережье Всего, смяв жестяные банки,
чтоб оказаться на страницах Всего, не разговаривают,
не внимают листве, копошению пены,
избегают задумываться, смяв жестяные банки Всего,
без городов уже, без прудов и парков, таинственной
резьбы ветвей в конце тропинки, под фонарём,
без полуденной и полуночной звезды; избегая задумываться,
даже не чиркая спичками, только смяв жестяные банки,
набрасывают несколько фраз на сорванных этикетках:
«я лишь хотел написать свои тени», тени Всего,
тьоль фигур на асфальте, шерсть ржавых собак,
пошатнувшееся дыхание, кровоток работы,
работы Всего в ладонях; не разговаривают,
ложной монеткой поблескивая на брусчатке,
без городов уже, но если бы с ними, то в городе Стрел,
в пыли типографских гигантов, за столиками кафе,
в улье, июле вестей, среди рытвин золота, листвы Владений,
наедине с сердцем, что по форме напоминало слезу,
вращением Теплоотдачи внутри ложного бога,
наблюдая, как в жарё колотится выдох

и хрустальный шар припоминает Хрусталь, откуда он прибыл:
в парке дождя Отблеск ждёт стаканчик кофе у автомата,
вытянув счастливый билет, залегает всюду, где тени,
и ложной монеткой блестит, словно неутолимая боль
между колец Сатурна.

отойти в сторону, уважая их общение наедине
С.В.

Ю.

Внутри Паденья, после реакции ртути,
минуя животных, проглотивших наживку Пневмы,
на терминальном складе августовской ночи,
мы растаскиваем красные, разбитые грузы,
и сердце, спешившийся всадник,
в полостях хирургий шелушится
сотней покровов, как броненосец.
Здесь по радио Несчастье передавали,
а жизнь язвила и жгла, как власяница.
Подруга Теплоотдача, мотылёк на офорте,
в глубине зала слезится иероглиф полиэтилена,
и между забытых распахнутых створок
болгается ветер: *Аргус*, пустой экран.
Кто-то взял меня за руку. Склон обнажил
тех, что *располагались друг над другом слоями*.
Зверь, как вертолёт, колотит по воздуху
всей своей ртутью. Теплоотдача, подруга,
голову мою подняла и несёт
сквозь кольца Сатурна.